

УДК: 10 (09)

Цель философствования, или философствование о философствовании

Вильгельм Эсслер,

доктор философских наук, профессор Института философии Франкфуртского университета им. Гёте, Франкфурт-на-Майне, ФРГ.

E-mail: willy.essler@t-online.de.com

От переводчика

Предлагаем перевод доклада профессора Вильгельма Эсслера, сделанного в Уханьском университете (КНР) 27 сентября 2012 г.

Учёные ИИАЭ и других институтов ДВО РАН общались с профессором Эсслером в конце августа — начале сентября 2016 г. во Владивостоке, где он выступил с докладом в Президиуме ДВО РАН и циклом лекций в ИИАЭ ДВО РАН (см. сайт ДВО РАН, YouTube).

Вильгельм Эсслер — признанный в мире специалист по современной логике, философии науки и теории познания. Его научная и преподавательская деятельность началась в 1960-е гг. в Мюнхенском университете им. Людвига и Максимилиана, а с 1979 г. основным местом его работы стал Франкфуртский университет им. Гёте, где он неоднократно избирался на должность заведующего кафедрой философии и директора Института философии.

За прошедшие годы Вильгельм Эсслер опубликовал более десяти монографий и множество статей, внёсших значительный вклад в развитие логики и философии науки. Предметом его научного интереса также является ранняя индийская и буддийская философия (в т.ч. философия тибетского буддизма).

В настоящем докладе В. Эсслер обобщает свой многолетний опыт учёного и преподавателя и описывает, как происходит переход от более или менее личных целей в занятии наукой к стремлению расширить свой научный горизонт и выйти за пределы не только своей дисциплины в её нынешнем состоянии, но и освоить духовные и интеллектуальные достижения других культур. На собственном примере он показывает, что представление о самодостаточности современной западной философии неизбежно влечёт за собой интеллектуальную и духовную ограниченность, которая препятствует открытому и непредвзятому научному поиску. Эта ограниченность восполняется, с одной стороны, изучением истории западной философии, а с другой стороны, серьёзным вниманием к другим философским традициям,

в особенности к индийской и китайской. Для В. Эсслера расширение философского кругозора было связано прежде всего с освоением ранней буддийской философии. В своём докладе он соединяет достижения из области металогик с полученными им результатами в исследовании ранней индийской и буддийской философии, причём делает это как бы «изнутри», стараясь понять образ мышления, свойственный этим философским традициям. Такого рода открытое философствование позволяет иначе взглянуть на философию, увидеть общие для всех философских традиций духовные основания и принципы. Важно отметить, что поиск таких принципов философствования оказывает действие и на саму личность философа: этот поиск помогает ему через обращение к другому познать себя, а отпавляясь от самопознания, понять и принять другого.

Можно предположить, что подобный подход представляет интерес не только для сравнительной философии, но и для теории межкультурных коммуникаций, изучающей особенности взаимодействия культур в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Максим Евгеньевич Буланенко,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: maxim.bulanenko@gmail

Ключевые слова: философия, история философии, индийская философия, китайская философия, буддийская философия, рефлексия, самопознание.

The aim of philosophizing, or a philosophizing about philosophizing.

Wilhelm K. Essler, Institute of philosophy, Goethe University Frankfurt, Germany.

E-mail: willy.essler@t-online.de.

From the translator

We would like to present a translation of Wilhelm Essler's lecture, which he gave at Wuhan University (People's Republic of China) on September 27, 2012.

The scholars from the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East and from other institutes of the FEB RAS had an opportunity to meet Professor Essler in late August and early September, 2016 in Vladivostok. He presented his paper at FEB RAS Presidium and delivered a series of lectures at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (the site of FEB RAS, YouTube).

Wilhelm Essler is a world-renowned expert in modern logic, philosophy of science and epistemology. His scholarly and teaching career started at Ludwig Maximilian University of Munich in the 1960^s. Since 1979, he has been teaching at Goethe University Frankfurt where he has been repeatedly elected as Head of the Philosophy Department and Dean of the Institute of Philosophy.

Over the years, Wilhelm Essler has published more than ten monographies and a great number of articles, which contributed much to the development of logic

and philosophy of science. He is also concerned with early Indian and Buddhist philosophy including Tibetan Buddhist philosophy.

In his lecture W.K. Essler sums up his decades long experience as a researcher and a professor and gives an account of how private goals of a scholar transform into an endeavor to broaden horizons, to go beyond one's own field of research and to master spiritual and intellectual achievements of other cultures. From a very personal point of view he discusses the alleged self-sufficiency of the contemporary Western philosophy and shows how the attitude of self-sufficiency inevitably results in spiritual and intellectual constraints that hinder a sincere and open-minded philosophical inquiry. These constraints can be overcome first through the study of the history of the Western philosophy itself, and second through a careful examination of other philosophical traditions, in particular the Indian and the Chinese one. For W.K. Essler, it was especially the study of the early Buddhist philosophy that helped him to broaden his philosophical perspective. In the presented paper he combines the discoveries in metalogic with his research results in early Indian and Chinese philosophy and tries to do so from the insider's point of view as he takes effort to understand the way of thinking typical of these cultures. Such an open philosophizing enables a different appreciation of philosophy, a deeper insight into spiritual foundations and principles common to all philosophical traditions. The inquiry into the common principles of philosophizing also transforms the personality of the philosopher in an important way: through the interest in others one achieves self-knowledge, and through the self-knowledge one learns to know and to accept others.

We assume that such approach can be of interest not only for comparative philosophy but also for the theory of intercultural communication, which studies the peculiarities of cultural interaction in the Pacific Rim countries.

Keywords: philosophy, history of philosophy, Indian philosophy, Chinese philosophy, Buddhist philosophy, reflection, self-knowledge.

The article is translated by Maxim Bulanenko, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: maxim.bulanenko@gmail.com.

Моему брату Францу Эсслеру (1932—2013),
верному другу и товарищу всей моей жизни,
с глубокой благодарностью посвящаю

Определить, что такое *философия* — вернее, что *я имею в виду*, употребляя слово «философия», — сравнительно легко, во всяком случае, легко применительно к использованию этого выражения в области университетского образования и науки. В приблизительном и грубом виде это определение будет выглядеть так:

«Философия — это совокупность того, что преподаётся и исследуется в философских институтах и университетах земного шара».

Это, конечно, совершенно внешнее определение понятия. Но мне трудно представить, как и на каких путях можно было бы лучше описать и очертить то, что сегодня понимается под «философией».

И, конечно, преподаватели институтов философии занимаются философией не без цели. При этом следует отличать их *личные цели* от *неличных целей*.

I. К личным целям относится, конечно:

- 1) прежде всего зарабатывание средств на жизнь, что в первую очередь имеет решающее значение для тех преподавателей, которые не могут воспользоваться ни собственными владениями, ни иным доходом, ни рассчитывать на поступления от родственников и друзей¹;
- 2) желание многих преподавателей ещё при жизни приобрести известность и признание в своём окружении, т.е. среди коллег или, по крайней мере, среди журналистов, пишущих о науке;
- 3) желание некоторых преподавателей после смерти прославить и обесмертить в потомстве хотя бы своё имя²;
- 4) желание немногих преподавателей привести свою жизнь в соответствие со знаниями, приобретёнными в ходе исследований, и таким образом претворить эти знания в действительность своей собственной жизнью, сделать их действительностью.

II. К неличным целям относится преподавание для пользы студентов, а также изучение и исследование предметов преподавания, подлежащих дальнейшему и более тщательному изучению и исследованию, а также сохранение и передача достигнутых при этом результатов — всё это к пользе других людей, а равно и будущих преподавателей и исследователей.

Исследование может быть направлено на достижение как исторических, так и систематических результатов:

A. Результаты систематической работы в философии. К моей собственной области исследования (а только о ней я могу высказываться с уверенностью) относятся следующие частные дисциплины: математическая логика (которая может быть полезна прежде всего информатике), металогика (которая может быть полезна прежде всего математике, а также философам, которых интересует вопрос о границах рефлексии), философия науки (которая может быть полезна прежде всего эмпирическим наукам) и философия формальных языков (которая может быть полезна прежде всего лингвистам, а также историкам среди философов).

¹ Утверждать, что можно заниматься наукой и преподаванием день за днём и год за годом без подобного источника средств к существованию, может только некто вроде Платона, родители которого были крупными земле- и рабовладельцами и который к тому же привёз из Сицилии деньги в размере 80 талантов, которые он получил в качестве платы за своё молчание. Но если кому-то, к примеру, приходится подрабатывать, чтобы оплачивать свою учёбу, тот знает, о чём я здесь говорю.

² И здесь опять в качестве примера — согласно Диогену Лаэртскому — может быть приведён Платон.

Б. Результаты исторической работы в философии: проработка, анализ и реконструкция дошедшей до нас части размышлений и учений мыслителей и мудрецов прошлого с целью постижения этих размышлений и учений в рамках вероятного (что может быть полезно прежде всего систематикам среди философов).

Личные цели, названные в пункте I, как правило, скрываются и не тематизируются; эта стеснительность восходит, пожалуй, к послесофратовской эпохе древнегреческой философии. При этом в такой цели, как зарабатывание на жизнь, трудно углядеть что-то чудовищное, да и цель, обусловленная личным честолюбием того или иного человека, если она не приобретает болезненных черт (а также если она не считается допустимой для себя, но недопустимой для других)³, необязательно предосудительна, хотя, конечно, и не похвальна. А вот упомянутые в пункте II неличные цели, безусловно, заслуживают признания и похвалы, хотя в области университетской философии они, очевидно, встречаются в весьма разном объёме.

По поводу пунктов (А) и (Б) следует с требуемой краткостью отметить следующее: *раньше* историки философии в ходе своих исторических исследований совершенно естественно использовали достигнутые к их времени результаты систематических изысканий. И точно так же историкам философии наших дней могло бы принести пользу применение в их работе в качестве вспомогательных средств тех результатов, которые достигнуты систематической философией за прошедшие десятилетия.

Раньше систематические философы в своих исследованиях совершенно естественно использовали достигнутые к их времени результаты исторических изысканий. И точно так же систематическим философам *наших* дней могло бы принести пользу применение в их работе в качестве руководства — к тому, что следует задействовать в своём исследовании, а чего следует избегать — тех результатов, которые достигнуты историей философии за прошедшие десятилетия. Пусть указание на один отрицательный пример из нашего времени послужит пояснением и предостережением.

Уже несколько десятилетий в некоторых государствах (Staaten) — главным образом в Соединённых Штатах (Staaten), хотя и не в Соединённых Штатах Мексики и не в Соединённых Штатах Колумбии — почитается и соблюдается догма «Every publication which is older than ten years, that's history!»⁴, причём часть предложения «That's history!» понимается и используется в том же смысле, что и «Forget it!»⁵. Между тем философы этих государств (Staaten) поступили бы *мудро*, если бы они по возможности применили эту догму к ней самой и потому забыли бы её,

³ То и дело говорится о том, что философствование в академическом смысле начинается, собственно, только с Платона; в поисках примера, иллюстрирующего предложение в скобках, и здесь полезно будет обратиться к личности Платона.

⁴ «Всё, что опубликовано больше десяти лет назад — это история!» (англ.). — *Прим. пер.*

⁵ «Забудьте про это!» (англ.). — *Прим. пер.*

а не продолжали ей следовать, потому что тогда они показали бы себя не только университетскими, но и свободными философами.

У древнеримского бога Януса — покровителя того месяца в тогдашнем лунном календаре, в котором начинал прибывать световой день — было *два* лица, а потому и *две* пары глаз: одно лицо было обращено вперёд, а другое — назад.

Однако это, разумеется, не было его врождённым дефектом, о нет! И, конечно, не был он и неудачным продуктом предшествующей генетической манипуляции.

Скорее, он был олицетворением единства пути, который в наступающем году предстоит прокладывать как отдельному человеку, так и обществу. Ведь уверенный взгляд вперёд — на тот путь, который предстоит прокладывать далее — предполагает такой надёжный указатель пути, как твёрдый взгляд на уже проделанный путь, ясный обзор и оценку уже пройденного пути, понимание того, что на этом пути было полезным, а что оказалось помехой.

Таков этот Янус, бог и покровитель первого месяца солнечного года и, соответственно, одиннадцатого месяца лунного года. Над ним должен главенствовать (так я понимаю это последние несколько лет) бог и покровитель всего года, будь то старинный лунный год или же пришедший из Египта — сначала на Запад, а оттуда распространившийся по всему миру — солнечный год. С каким именем обратиться к этому богу, я (ещё) не знаю; ведь для меня это (ещё) новый и (ещё) безымянный бог, (ещё почти) неизвестный мне бог⁶.

Но кое-что я о нём знаю: у него, например, не *два*, а *четыре* лица и, соответственно, *четыре* пары глаз, причём эти два дополнительные лица обращены в две противоположные стороны. Таким образом, он может видеть и познавать находящееся не только впереди и позади, но и по сторонам от него. И именно этого неизвестного и (ещё) безымянного бога я торжественно провозглашаю сейчас если не богом философов, то, по крайней мере, *богом философствования!*

Ведь и в самом деле предложенная мной тема, с которой на симпозиуме в Уханьском университете сразу же согласилась принимающая сторона, — это не *цель философии*, а *цель философствования*. Однако о том,

⁶ Благодаря древнегреческому прорицателю Эпимениду в античных Афинах была установлена статуя Неизвестного бога. Был ли этот бог единым или же — как для жрецов Аполлона, а потому и для Сократа — двуединым (состоящим из Аполлона и его сестры-близнеца Артемиды, этих олицетворений Солнца и Луны, постоянства и изменчивости), или же триединым — как в позднейшем брахманизме и ещё более позднем индуизме (состоящим из Брахмы — Шивы — Вишну), а также в христианстве (состоящим из Отца — Сына — Духа) — это, пожалуй, никогда уже не удастся установить. Внедрённый в раннехристианскую церковь римский тайный агент Савл, в свою очередь, выдал этого неизвестного бога Афин за своего (тогда, пожалуй, ещё единого) бога. Однако я не хочу использовать этого древнего бога философствования для учреждения новой религии.

что такое философствование, вернее, что *я имею в виду*, употребляя это слово, я до сих пор не сказал ничего; и сейчас это упущение должно быть немедленно исправлено.

Но тут мне, правда, придётся признаться, что я собираюсь говорить о том, о чём не располагаю никакими познаниями; но поскольку меня попросили выступить с докладом на такую тему, я постараюсь сообщить немного из того, что сложилось у меня в более или менее устойчивое мнение о ней.

Пусть я не могу сообщить даже того, что я вообще имею в виду, употребляя выражение «философствование», или хотя бы какое приблизительное мнение с ним связываю, однако я, во всяком случае, могу кое на что указать: на тот или иной аспект философствования в том виде, как я его понимаю, а вслед за этим, пожалуй, и на то, что, с моей точки зрения, является целью понимаемого таким образом философствования.

Началось моё философствование, тогда ещё пятнадцатилетнего гимназиста, с изучения отдельных диалогов Платона; а немногим меньше чем через четыре года на смену этому философствованию пришло изучение философии в университете. И начиная с этого времени в течение нескольких десятилетий я занимался, причём усердно, почти исключительно философией, отчасти как учащийся, отчасти как преподаватель и отчасти как исследователь, так что эти три направления чаще всего были теснейшим образом связаны друг с другом.

Миновали две трети предположительного срока моей жизни, когда я опять задумался о том, чтобы, *глядя вперёд, обращать взгляд* на то, что я увидел, *глядя назад*, о том, чтобы не оставлять это *без внимания*, принимать это к *рассмотрению*.

Кроме того, я заметил при этом, что ступаю по жизненному пути неуверенно и словно пьяный; и при этом мне становилось всё яснее, как возникла эта неуверенность и почему её до этих пор не удавалось избежать и даже просто обнаружить: свой взгляд я до этих пор — говоря образно — не направлял ни направо, ни налево. В силу предубеждённости, обусловленной моей социализацией на Западе, я, скорее, обращал свой взгляд на продвижение вперёд и лишь ненадолго — в минуты честности — на пройденное до этих пор в истории западной философии. Словно с шорами на глазах, до этих пор я не уделял внимания тому, что за пределами этой философской традиции предлагают другие философские традиции.

Я увидел, что я, говоря образно, словно с шорами на глазахдвигаюсь вперёд, направляемый и движимый не осознававшей мной, а потому ещё действеннее действующей предвзятостью, да, я увидел это вскоре, когда соприкоснулся с тибетской разновидностью буддизма как философии и образа жизни и стал всё глубже знакомиться с ней. Вслед за этим я направил свой взгляд в сторону индийской философии и философствования, продолжая смотреть на буддийские учения Тибета, ныне Тибетского автономного района на западе Китая.

Потребность в приобретении познаний о философиях прежних и нынешних мудрецов Центрального Китая и тогда была велика; но в последующие годы я не встретил никого, кто помог бы мне приобщиться к ним как в аутентичном, так и в понятном для меня виде. Лишь этим летом я получил возможность приобрести такие основательные познания благодаря одному молодому коллеге из Макао, вдвоём с которым мы провели во Франкфуртском университете семинар, посвящённый истокам даосской философии у Лао-цзы.

Но ознакомиться с прочими учениями мудрецов земного шара (принадлежат ли эти мудрецы к коренным народам Америки, Австралии или Африки) в оставшееся время моей жизни, пожалуй, едва ли получится.

Для того чтобы построить некую философию, нет нужды смотреть в ту или иную сторону. Но для того, чтобы философствовать — и философствовать действенным образом — необходимо стряхнуть шоры и их уничтожить. Ибо, хотя философствование и независимо от направлений философии, оно всё же страдает в той мере, в какой человек ставит себя в зависимость от некой определённой философии, позволяя ей направлять и предопределять своё мышление, а с ним и своё рассуждение, а вслед за этим, возможно, и своё поведение. Привязанность к определённой философии затрудняет духовную подвижность, а вместе с ней и вполне доступное человеку беспрепятственное зрение.

Это зрение может совершаться внешними глазами, но сверх того и внутренним оком, оком мышления. И в той мере, в какой оно совершается правильным образом (а именно так, что оно выходит за пределы простого восприятия и не стесняется ограничениями) человек занимается философствованием, решается вступить на путь к мудрости — к такой направленности мысли и жизни, которая хотя и связана с приобретением сведений и знанием, но отнюдь этим не исчерпывается, к такой жизненной установке и образу жизни, которые всецело проникнуты глубоко продуманной философией и уже не зависят от её буквального звучания.

Философствование может выражаться то в деятельности, то в невмешательстве. А куда ведёт этот путь, об этом знает, пожалуй, лишь тот, кто достиг действительной цели — несомненно, отличающейся от промежуточной цели и тем более от конца тупика — или, по крайней мере, настолько к ней приблизился, что уже явственно видит её перед собой. Уводит ли пройденная при этом тропа, по которой мудрец движется с уверенностью оленя в гористой местности, от начала по прямой или по кривой линии, или, напротив, по кругу возвращает к началу; или, быть может, хотя и возвращает в область начала по спирали, но уже на более высокую площадку с существенно расширившимся обзором — тот, кто только недавно начал философствовать, об этом, естественно, ещё не знает. Для этого нужно расспросить мудреца, который достиг цели философствования или, во всяком случае, движется к цели по финишной прямой.

Умение держать глаза открытыми во все стороны и не закрывать их составляет, в моём понимании, часть философствования. А целью этого

умения держать глаза открытыми будет, очевидно, *зрение*. И пусть мне отнюдь не удалось уяснить, что такое для меня философствование, но при этом я, пожалуй, уже отчётливо познал цель этого ещё не вполне познанного философствования или, во всяком случае, одну его важную цель, а именно *первую цель*, над которой надстраивается всякая последующая цель этой лишь смутно представляющейся мне философской деятельности: что познавая другого, можно познать самого себя, а познавая самого себя, можно познать других.

Чтобы познать это философствование, нужно ему *учиться*, подобно тому, как и зрению нужно учиться, чтобы постичь и познать это зрение. На примере внешних глаз я попробую пояснить это так. Пусть передо мной находится пруд, окрестности которого утопают в лучах солнца, а над поверхностью воды среди многочисленных лотосов возвышается пока ещё небольшой стебель с нераскрывшимся бутонем. И вот я стараюсь созерцать этот цветок, разглядывать его, рассматривать его *следующим* образом: держась от него в пределах видимости в течение долгого времени, я с вниманием час за часом и день за днём, причём без всякой скуки, наблюдаю, как его быстро растущий стебель за несколько часов приподнимает бутон над поверхностью воды; на следующее утро я вижу, как этот бутон распускается в цветок, сначала лишь в форме воронки, а затем — в форме чаши, и как вслед за этим на него слетаются какие-то насекомые; но я вижу и то, как этот великолепный цветок уже на следующий день увядает, оставляя место для роста коробочки с семенами; а немногими днями позже я вижу, как сама эта коробочка постепенно вянет и усыхает; и потом ещё через несколько дней я вижу, как из теперь уже высохшей коробочки семена лотоса падают обратно в воду пруда.

Такие усилия я совершаю, пытаюсь внимательно следить за этим процессом по возможности без перерывов, т.е. направляя своё внимание на этот процесс, насколько мне позволяют мои физические силы. А то, что я не мог созерцать, пока спал и отвлекался на другие нужды в ходе этого процесса, я стараюсь дополнить с помощью внутреннего ока (благодаря силе представления, которая выстраивает внутри меня не увиденное внешними глазами) опять-таки по возможности без помех для внимания.

Помехи могут возникать из-за внешних обстоятельств; но по большей части они будут возникать под действием внутренних состояний, будь то зарождение той или иной (затуманивающей зрение) предвзятости, будь то чрезмерное беспокойство духа или же его утомление. Поэтому духовной силой осознанности (*Achtsamkeit*) я защищаю свой дух от таких помех в той мере, в какой эта сила уже укрепилась и упрочилась. И с помощью этой же силы я пытаюсь не позволять только что возникшей помехе длиться, а также устранять подобную помеху, возникшую какое-то время назад, и вновь направлять внимание на цель постижения и познания этого процесса.

Так *осознанность по отношению к вниманию* защищает *внимание к цветку*. А чтобы эта защита не нарушалась никакими (или, во всяком

случае, никакими существенными) перерывами, её самой нужно оберегать духовной силой, а именно *бдительностью по отношению к этой осознанности*. Если бы эта бдительность не соскальзывала во мне в сумеречное состояние, как это, к сожалению, происходит, и то и дело не засыпала бы полностью, то благодаря ей осознанность непрерывно оставалась бы бдительной, и тогда эта осознанность не давала бы отклоняться вниманию к цветку.

И тогда моё мышление обладало бы силой распространять подобное философствующее созерцание и постижение от таким образом созерцаемого процесса на другие похожим образом устроенные процессы в области одушевлённо-чувствующего, относятся ли они к муравью, собаке или другому человеку; и оно обладало бы силой видеть этот процесс во всём, не исключая и меня самого.

Потому что чем больше я защищаю внимание к подобного рода предмету с помощью осознанности, тем отчётливее эта осознанность в итоге замечает не только *предмет моего внимания*, но сверх того и (более или менее) *внимательного* меня, иначе говоря, не только *постигаемое* внимательным духом, но также (и в связи с этим) *постигающего* это таким образом постигаемое, говоря опять-таки другими словами: *вдобавок ещё и то постигающее* состояние духа, которое направлено на постигаемый предмет⁷.

Так осознанность — эта хранительница и защитница внимания — возвращает созерцающего к самому себе, но при этом не уводя его от увиденного, а, напротив, включая этого созерцателя в соответствии со способом его зрения и постижения в таким образом созерцаемое, а именно посредством обращения взгляда на созерцающего, посредством рефлексии его внешнего созерцания.

Однако то, как и что видит моё внутреннее око, я вижу при этом не очень хорошо; а также и то, что в моём духе при этом направляет взгляд на соответствующий предмет мышления, я могу представить себе в ходе рефлексии этого внутреннего зрения лишь очень расплывчато.

Но, быть может, следующие замечания выведут меня самого, а также тех, кто пытается нечто постичь с помощью этих путаных указаний, к первым проблескам света в этой смутной путанице неполноценных сообщений, и я надеюсь, что этот свет не окажется блуждающим огоньком.

В древних Афинах действительно существовал закон, согласно которому свободные граждане Афин обязаны были верить в афинских богов. Нарушивший этот закон подлежал смертной казни. Этот закон был, в частности, применён к первому великому афинскому философу Сократу, о котором Дельфийский оракул, отвечая на соответствующий вопрос, сказал:

«В мудрости никто не может тягаться с Сократом!»

⁷ Эта пара связанных друг с другом постигаемого внешнего предмета и постигающей внутренней духовной силы — говоря кратко и неточно, постигаемого и постигающего — становится на рефлексивном уровне осознанности предметом нового постижения. Постигание и здесь постигает не само это постижение, но лишь предшествующее постижение (чего-то другого).

К западу от Афин, недалеко от Дельф, находился священный для всех греков храм Аполлона. И у входа в этот храм отнюдь не было написано «Ты должен верить только в дельфийских богов!». Согласно историкам, там можно было прочесть призыв:

«Познай самого себя!» [= «ΓΝΩΘΙ ΣΕΑΥΤΟΝ», «gnóthi seautón»].

Потому что это, вне всякого сомнения, не имеет ровно никакого отношения к духовной узости афинской религии, но имеет непосредственное отношение к широте философствования, которое прямо предполагает, что в ходе ведущего к мудрости познания изучающий должен сделать предметом своего познания самого себя — в своём мышлении — рассуждении — поведении.

Это познание самого себя, по моему мнению, представляет собой *вторую цель* философствования. Она следует за той, сравнимой с ещё не раскрывшимся бутонем на стебле лотоса, первой и основополагающей целью. Её поэтому можно теперь сравнить с появившимся из бутона великолепным цветком; ему тогда и будет соответствовать эта новая цель.

Однако это чарующее для внутреннего ока цветение направленности внимания на самого себя, сколь бы прекрасным оно подчас ни было (при его умелом совершении), очевидно, не может длиться вечно. Потому что рано или поздно неизбежно придёт спросить себя, какие же состояния сознания постигает и познаёт постижение собственной *предшествующей* деятельности в мышлении — рассуждении — поведении; другими словами, кто же постигает и познаёт до сих пор постигавшего и познававшего предшествующую деятельность своего духа — речи — тела. Ясно, что речь всякий раз идёт *не об одном и том же* состоянии духа, но о *несколько ином*, хотя, наверное, *не о совсем ином*. Ведь обращение взгляда на своё предшествующее мышление превосходит это предшествующее мышление по объёму и содержанию.

В свою очередь, это постижение и познание предшествующей пары постигающего внимания и постигаемого предмета может затем (по крайней мере, в принципе) быть увидено и тем самым познано на уровне бдительности.

Но оканчивается ли когда-то это движущееся от ступени к ступени *самопревосхождение* — не из-за утомления, а своим естественным предельным завершением, или же хотя такое завершение и имеется безусловно (и наступает не позже, чем смерть), но не является естественным, и как и каким состоянием духа это может быть постигнуто и познано, *об этом* я могу говорить лишь *пустыми словами*, потому что *это* превышает мои силы постижения и познания себя самого. А такие бессодержательные (поскольку они не насыщены собственным опытом подобного рода рефлексии) слова никому не передают полезного сообщения, кроме, разумеется, того сообщения, что с познанием самого себя дела у меня, очевидно, обстоят ещё не самым лучшим образом. И так обстоят дела, разумеется, потому, что у меня нет нужных для этого глаз, взгляд которых был бы направлен не только вперёд, но одновременно и назад, и в стороны.

Третьей цели философствования достигают, вновь возвращаясь к началу и уже не себя самого созерцая как предмет собственной деятельности, а какое-нибудь другое живое существо в его деятельности, увиденной несколько иными глазами, а именно взглядом, расширенным и очищенным благодаря такой рефлексии, и так, что ты при этом постигаешь и познаёшь, насколько другой (за исключением мелких несущественных особенностей) в своём мышлении и чувстве похож на тебя самого в том, как ты сам мыслил и чувствовал прежде. Потому что *тогда* философствование приносит свои созревшие плоды.

Если тогда ты видишь в других *таких* близких тебе, что становишься им другом (Freund) — больше, чем просто приятелем (*friend*), — то открываешься им так, как в своё время открылась перезревшая коробочка с семенами на месте прежнего цветка лотоса, и передаёшь им приобретённое на этом пути. Этот *плод* философствования обнаруживает себя тогда в духовном настрое, который проникнут как уверенностью в отношении самого себя, так и добротой и доверием в отношении других. Такие люди есть, и я с такими знаком.

И я был бы рад достичь их духовного состояния невозмутимости и соединённой с добротой открытости. Потому что в таком случае в конце своей жизни я бы знал, что прожил её не зря.

ИЗБРАННЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ПРОФЕССОРА В. ЭССЛЕРА

1. Einführung in die Logik. Stuttgart: Kröner, 1966.
2. Induktive Logik: Grundlagen und Voraussetzungen. Freiburg, München: Alber, 1970.
3. Wissenschaftstheorie I: Definition und Reduktion. Freiburg, München: Alber, 1970.
4. Wissenschaftstheorie II: Theorie und Erfahrung. Freiburg, München: Alber, 1971.
5. Analytische Philosophie I: Methodenlehre, Sprachphilosophie, Ontologie, Erkenntnistheorie. Stuttgart: Kröner, 1972.
6. Wissenschaftstheorie III: Wahrscheinlichkeit und Induktion. Freiburg, München: Alber, 1973.
7. Wissenschaftstheorie IV: Erklärung und Kausalität. Freiburg, München: Alber, 1979.
8. Grundzüge der Logik I: Das logische Schließen (zusammen mit R.F. Martinez-Cruza-do). Frankfurt am Main: Klostermann, 1991.
9. Grundzüge der Logik II: Klassen-Relationen-Zahlen (zusammen mit E. Brendel). Frankfurt am Main: Klostermann, 1993.
10. Theorie und Erfahrung (zusammen mit J. Labude and S. Ucsnay). Freiburg, München: Alber, 2000.
11. Die Philosophie des Buddhismus (zusammen mit U. Mamat). Stuttgart: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2006.